

ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ISBN 978-5-907498-68-6

9 785907 498686 >

Издательский Дом ЯСК

Москва

2024

PRINCIPLES AND FORMS
OF SOCIOCULTURAL ORGANIZATION
HISTORICAL CONTEXTS OF INTERACTION

Edited by

Dmitri M. Bondarenko & Gleb V. Aleksandrov

LRC Publishing House

Moscow

2024

ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Под редакцией

Д.М. Бондаренко и Г.В. Александрова

УДК 930.857
ББК 63.3
Б 81

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. Д.М. Бондаренко,
к.и.н. Г.В. Александров

Руководитель авторского коллектива

чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. Д.М. Бондаренко

Авторский коллектив:

Г.В. Александров, А.К. Александрова, Д.Ю. Бовыкин, Д.М. Бондаренко,
В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, Е.В. Вдовченков, С.В. Костелянец,
И.А. Ладынин, А.В. Марей, А.В. Туторский, Н.А. Федонников, А.С. Щавелев

Рецензенты:

д.и.н., академик РАН Н.Н. Крадин,
к.и.н. А.А. Немировский

Б81 **Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия** / Под ред. Д.М. Бондаренко, Г.В. Александрова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2024. – 372 с. – ISBN 978-5-907498-68-6

Коллективная монография посвящена важным аспектам фундаментальной для общественных и гуманитарных наук проблеме исторического многообразия форм социокультурной организации. Ее теоретической основой является концепции гетерархии и гомоархии, активно разрабатываемые в отечественной и зарубежной науке. Гетерархия и гомоархия рассматриваются как проходящие через всю историю человечества фундаментальные принципы социокультурной организации, определяющим образом влияющие на формы, в которые социокультурная организация облекается в конкретных обществах, и проявляющиеся в том числе во взаимодействии гетерархических и гомоархических начал в отдельных обществах и во взаимоотношениях между в целом преимущественно гетерархическими и гомоархическими обществами. Фундаментальные теоретические проблемы исследуются на весьма обширном и разнообразном конкретном материале.

УДК 316.7
ББК 71.1

На первой странице обложки: храм Аполлона в Коринфе, Греция. Фото Д.М. Бондаренко.

ISBN 978-5-907498-68-6

© Коллектив авторов, 2024
© Издательский дом ЯСК, 2024
© Абишева Г.М., оформление, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Бондаренко Д.М.</i> Принципы и формы организации обществ как систем институтов («концептуальная рамка» этой книги)	7
---	---

Часть I. ОБЩЕСТВА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Ладынин И.А.</i> Древнегреческий полис: от гомоархии к гетерархии и обратно	51
<i>Вдовченко Е.В.</i> Царская власть и социальный порядок у ранних народов: гомоархия и гетерархия в западной части степной зоны Евразии	80
<i>Федонников Н.А.</i> Избрание епископов в королевстве франков (VI–IX вв.) и способы организации франкского общества: идеал и практика.....	106
<i>Щавелев А.С.</i> Народ русь IX–X вв.: этническая идентичность и социальная дифференциация	135
<i>Марей А.В.</i> «Если бы Наш брат хоть на день пережил бы Нашего отца...»: конфликт двух систем престолонаследия в Кастилии конца XIII в. и принципы организации общества	170

Часть II. ОБЩЕСТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Александров Г.В.</i> Война короля Филиппа (1675–1676 гг.): взаимодействие и трансформации гетерархических и гомоархических обществ в колониальном контексте	187
<i>Бовыкин Д.Ю.</i> Свобода без равенства и братства	216
<i>Александрова А.К.</i> Гомоархический институт в гетерархической системе: церковь и государство в современной Греции	243
<i>Костелянец С.В.</i> Роль этносоциальной стратификации и этнической мобильности в контексте конфликта в суданском регионе Дарфур ...	274
<i>Туторский А.В.</i> «Чтобы обид не было!»: гетерархические механизмы в трансформации равенства в иерархию и обратно в повседневной культуре сельских жителей Русского Севера в начале XXI в.	302
<i>Буркова В.Н., Бутовская М.Л.</i> Культурное измерение «Коллективизм-Индивидуализм» и эмпатия в разных странах во время пандемии COVID-19.....	325
<i>Александров Г.В., Бондаренко Д.М.</i> Заключение	343
Abstracts	358
Сведения об авторах	370

CONTENTS

<i>Dmitri M. Bondarenko</i> . Principles and Forms of Organization of Societies as Systems of Institutions (The “Conceptual Frame” of This Book)	7
--	---

Part I. ANCIENT AND MEDIEVAL SOCIETIES

<i>Ivan A. Ladynin</i> . The Ancient Greek Polis: From Homoarchy to Heterarchy and Back Again	51
<i>Evgeny V. Vdovchenkov</i> . Royal Power and Social Order among Early Nomads: Homoarchy and Heterarchy in the Western Part of the Eurasia Steppe Zone	80
<i>Nikita A. Fedonnikov</i> . Bishop Elections in the Frankish Kingdom (VI–IX Centuries) and Social Organizations of the Franks: Ideals and Practices	106
<i>Aleksei S. Shchavelev</i> . The Rus’ People of the IXth–Xth Centuries: Ethnic Identity and Social Differentiation	135
<i>Alexander V. Marey</i> . “Ca si el un día visquiera más que nuestro padre...”: The Conflict of Two Systems of Succession to the Throne in Castile at the End of the XIIIth Century and the Principles of Social Organization	170

Part II. MODERN SOCIETIES

<i>Gleb V. Aleksandrov</i> . King Philip’s War (1675–1676): Interactions Between Homoarchical and Heterarchical Societies in the Colonial Context	187
<i>Dmitri Yu. Bovykin</i> . Liberty without Equality and Fraternity	216
<i>Anna K. Aleksandrova</i> . Homoarchical Institution in a Heterarchical System: Church and State in Contemporary Greece	243
<i>Sergey V. Kostelyanets</i> . The Role of Ethnosocial Stratification and Ethnic Mobility in the Context of the Conflict in Sudan's Darfur Region	274
<i>Andrey V. Tutorskiy</i> . «So there’s no resentment!»: Heterarchical Mechanisms in Shifts between Equality and Hierarchy in the Culture of the Russian North in the Early XXIst Century	302
<i>Valentina N. Burkova, Marina L. Butovskaya</i> . “Collectivism-Individualism” Cultural Dimension and Empathy in Various Countries during the COVID-19 Pandemic	325
<i>Gleb V. Aleksandrov, Dmitri M. Bondarenko</i> . Conclusion	343
English Abstracts	358
Contributors	370

ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ КАК СИСТЕМ ИНСТИТУТОВ («КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА» ЭТОЙ КНИГИ)

Введение

Общества представляют собой сложные динамические системы взаимодействующих и пересекающихся элементов – социальных институтов. В качественных трансформациях системы институтов и заключается социальная эволюция (Bondarenko et al. 2020) – она есть «процесс структурного изменения» (Carneiro 1973; Claessen 2000). Появление и существование же социальных институтов обусловлено общественными потребностями. Сколь индивидуализированными ни были бы институты (например, каждая семья состоит из конкретных людей и потому имеет свои семейные традиции и т.п.), они образуются в обществе и именно потому, что нужны обществу. В конечном счете, во всей своей совокупности общественные потребности выражают главную потребность социума – в непрерывном самовоспроизводстве. Каждый же отдельный социальный институт (или комплекс институтов) «вносит вклад» в решение этой глобальной кардинальной задачи, выполняя конкретную, определенную функцию (или набор функций), путем организации для ее выполнения совместной деятельности членов общества в рамках данного института.

Любая система институтов (как и любой отдельный институт) формируется в конкретных, в той или иной степени специфических и даже уникальных социокультурных и исторических условиях. Этим определяется своеобразие ее структуры и механизмов функционирования, т.е. взаимодействия институтов. То, каким образом социальные институты взаимосвязаны, определяет базовый принцип организации общества. По нашему мнению, этих принципов два, и они проходят через всю историю человечества: любое общество любой эпохи, как правило, более или менее ярко воплощает тот или иной из них. Это означает, что речь идет именно об организационных принципах, а не эволюционных стадиях или социально-политических формах – о двух различных (хотя и пересекающихся, даже взаимодей-

полнительных в социоисторической реальности) базовых принципах, на которых основываются общества всех уровней сложности как системы институтов. То есть помимо сложности, измеряемой в антропологии количеством уровней политической интеграции, общества как системы социальных институтов имеют еще одну фундаментальную характеристику, которую мы и называем базовыми принципами общественной организации. По ходу истории каждый из этих принципов находил и находит воплощение во множестве конкретных форм. Развивая идеи, высказанные ранее (Bondarenko 2020b; Бондаренко 2021), мы постараемся показать, как связано следование обществом одному из базовых принципов организации с тем, как соотносятся и взаимодействуют в нем социальные институты, т.е. какую конфигурацию приобретает система социальных институтов, или, иначе говоря, какую форму обретает общество.

Основные характеристики и функции социальных институтов

Понятие «институт» еще в конце XVII – начале XVIII в. использовал философ и предтеча социологической науки Джамбаттиста Вико. Со становлением же общественных научных дисциплин в XIX в. понимание общества как состоящего из социальных институтов и само понятие «социальный институт» прочно вошли в обиход в социологии, экономике, юриспруденции, истории, антропологии... При этом благодаря в первую очередь Эмилю Дюркгейму с конца XIX в. утвердилось понимание общества как не просто статичной совокупности институтов, но именно как их динамической системы (см.: Bondarenko 2020a: 2-5). В науке нашего времени наиболее широко распространен взгляд на социальные институты как на сложные самовоспроизводящиеся формы организации людей в различных сферах жизнедеятельности, в которых вырабатываются, поддерживаются и модифицируются общественные отношения и модели поведения. В частности, по известному определению Джонатана Тёрнера, социальный институт – это «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, содержащихся в определенных типах социальных структур и организующий относительно стабильные модели человеческой деятельности в отношении фундаментальных проблем, связанных с производством жизнеобеспечивающих ресурсов, воспроизводством людей и поддержанием жизнеспособных социальных структур в данной среде» (Turner 1997: 6).

Как правило, институты рассматривают как составные части отдельных обществ, которые, в свою очередь, видятся более или менее закрытыми и самодостаточными социокультурными единицами, имеющими ясные границы. Однако один институт может охватывать много обществ (например, правовые институты, такие, как международные трибуналы, или институты международной торговли), и даже институты, функционирующие в одном обществе, могут возникать как реакция на региональные или глобальные вызовы (к примеру, политические институты западного типа в колониальных и постколониальных государствах). Эти утверждения верны для древних и средневековых обществ (см., например: Kristiansen 1998; Kowalewski 2003; Chase-Dunn, Inoue 2017; Knappett 2017; Feinman, Neitzel 2019), тем более – для обществ Нового времени (Osterhammel 2010; Baskin, Bondarenko 2014) и особенно явственно – для обществ наших дней, когда они стали настолько сложными, что мир превратился в глобальное сообщество, и национальные государства уже недостаточны для эффективного управления им. Критические вызовы, с которыми сегодня человечество сталкивается повсеместно, – глобальное потепление, пандемии, международный терроризм и многие другие – не смогут получить достойный ответ без участия наднациональных политических институтов. Таким образом, более продуктивно смотреть на институты даже в отдельном обществе как на части более широких систем институтов, охватывающих множество обществ. Однако также нельзя забывать, что при всей взаимосвязанности общества все же действительно имеют пределы, которые обычно знают и соблюдают их члены, даже если политические границы размыты, как во многих мир-системах древности и средневековья или некоторых современных региональных объединениях, таких как Европейский Союз.

Другой важный момент касается обществ как систем социальных институтов различных видов и объединений обществ (государств) как транснациональных систем институтов. Всегда необходимо учитывать, что механизм функционирования систем институтов неправильно уподоблять механизму типа часового. В часах работа всех деталей гармонизирована, скоординирована, и именно этим обеспечивается их точный ход. В обществе же или объединении обществ институты могут не только функционально пересекаться, дополнять друг друга, вырастать одни из других, но и конфликтовать. Более того, этот конфликт институтов может придавать динамизм всей общественной или трансобщественной системе, особенно когда институ-

ты являются порождением обществ разных социально-экономических и культурных типов, как, например, в случае совмещения доиндустриальных и индустриальных, автохтонных и западных институтов в колониальных и постколониальных обществах (см., например: Osterhammel 2010; Young 2012; Kapferer 2018: 14-15, 97-184, 265-294; Mamdani 2018).

Институты могут не только дополнять друг друга или конфликтовать между собой. В ходе исторических трансформаций общества социальные принципы и ценности, выработавшиеся в том или ином институте и определявшие его суть, могут выйти за пределы этого института и стать не менее фундаментальными для более современных институтов в более сложном обществе. Хорошим примером этому служит принцип общинности как основа социокультурной традиции субсахарской Африки. На всем протяжении истории этого региона от глубокой древности до наших дней община остается в нем базовым социальным институтом. Но в сложных африканских обществах (доколониальных, колониальных и постколониальных) принцип общинности проявляет себя в способности общинных по происхождению и сущности мировидения, сознания, моделей поведения, социально-политических норм и отношений распространяться далеко за пределы общины как конкретного института. Эти общинные принципы, пусть и в модифицированном, а иногда и искаженном виде, сегодня играют важнейшую роль на всех уровнях социокультурной сложности и в огромном множестве институтов, включая социологически над- и необщинные, вплоть до мегаполисов и диаспорных сообществ (Бондаренко 2014; 2016: 103-145).

Социальный, т.е. общественный, характер институтов обусловлен тем, что жизнь людей протекает в социуме (обществе), вследствие чего и формы их организации имеют не индивидуальную, а коллективную – социальную – природу. Этим фактом обусловлены важнейшие характеристики социальных институтов.

Во-первых, как подчеркивалось выше, в рамках социальных институтов складываются, воспроизводятся и трансформируются общественные отношения и модели поведения. Многие институты сами являются системами организаций (Scott 2001). Люди включены в организации, становящиеся составными частями институтов, и могут целенаправленно создавать институты индивидуально или коллективно во имя достижения своих целей – промышленные корпорации и учебные заведения, политические партии и религиозные общины...

Социальные институты не следует антропоморфизировать: даже когда членами общества не понимаются, тем более в полной мере, последствия их усилий по достижению собственных целей для всего общества, институты не возникают и не изменяются сами, но создаются, поддерживаются и трансформируются людьми. Выдающиеся личности могут налагать особенно яркий отпечаток на облик и характер функционирования институтов, как Октавиан Август – на политические институты Рима или Мартин Лютер – на духовные институты обществ Западного христианства. Однако возникновение и существование в обществе самого феномена социальных институтов не связаны с проявлением чьей-либо осознанной воли. Социальные институты – результат непреднамеренной общественной самоорганизации. Они существуют потому, что на всем протяжении истории человечества оправдывают себя как оптимальные структурные единицы социального организма – общества. Устанавливая правила поведения вовлеченных в них людей и тем самым ограничивая их индивидуальную свободу, институты упорядочивают и регулируют межличностные и межгрупповые, т.е. общественные отношения, позволяя существовать и развиваться социуму как целому.

Вопрос же о том, почему люди чаще всего добровольно соглашались принимать общественные нормы и тем самым ограничивать свободу своего поведения, – один из наиболее дискуссионных в обществознании (см., например: Austin 1962; Claessen 2005). В социальной философии теория коллективного принятия институтов утверждает, что люди принимают общественные институты потому, что они всегда являются результатом их коллективных действий: люди создают институты совместно и принимают налагаемые определяющими функционирование институтов нормами ограничения на их поведение потому, что относятся к ним как к выработанным конвенционально ими самими, а не навязанным какой-либо внешней силой (см., например: Searle 1995; 2010; Tuomela 2002; 2007; 2013; Sintonen et al. 2003: 169-278; Ziv, Schmid 2014). В некоторых других общественных науках, в частности, антропологии и археологии, становящаяся ныне все более популярной теория коллективного действия предлагает практически ту же точку зрения (см., например: Blanton, Fargher 2008; 2009; 2016; Carballo 2013; Carballo et al. 2014; Carballo, Feinman 2016; 2023; Chacon, Mendoza 2017; DeMarrais, Earle 2017). Необходимо отметить и что, когда люди хотят изменить свои социальные институты, они делают это также посредством коллективных

действий (Melucci 1996; Francisco 2010). «... фундаментальные институты общества обязаны своей стабильностью принятию или, по крайней мере, согласию, которого они добиваются от граждан. Если это принятие или согласие исчезает, прежние институты уходят, поскольку открываются шлюзы для коллективных действий» (Medina 2007: xviii). Таким образом, кооперация индивидов в обществе выступает как основа социальных изменений. Человек сформировался и существует как «гиперкооперативный» вид (см., например: Boyd, Richerson 2006; Nowak, Highfield 2011; Бутовская, Ростовцева 2021), и именно этим в значительной степени определяется ход социальной эволюции – социокультурная динамика отдельных обществ и всего человечества на протяжении истории.

Во-вторых, появление социальных институтов и их существование в том или ином виде всегда обусловлено исторически и социокультурно. Хотя деятельность людей, конечно, не запрограммирована полностью историческими и социокультурными условиями бытия, эти условия все же задают определенные рамки проявлений их свободы воли. К примеру, университет как образовательный институт не мог быть создан в архаическом обществе – для этого не было социальных предпосылок, общественной потребности в подобном институте. Но это не означает, что в архаическом обществе не было институтов обучения; просто они были иными – адекватными реалиям именно такого общества. Обучение в нем состояло прежде всего в усвоении человеком общественно-полезных навыков путем наблюдения за действиями старших членов коллектива и следования их указаниям при попытках эти действия повторить.

В-третьих, общественная природа институтов проявляется в том, что возникновение каждого из них обусловлено необходимостью удовлетворения тех или иных потребностей группы обществ, отдельного общества или его части. По мере изменения и исчезновения соответствующих потребностей трансформируются и прекращают существование призванные удовлетворять их институты. Например, институт общины возник как изначальная форма удовлетворения целого комплекса потребностей человека – экономических, социокультурных и т.д. – в доиндустриальных обществах. На протяжении многих тысячелетий докапиталистической истории человечества община обретала различные формы, адекватные потребностям социума той или иной эпохи, того или иного региона. Скажем, неолитическая ближневосточная община имела множество отличий от общины

средневековой Европы. Со становлением же капитализма община стала разлагаться, перестав удовлетворять потребностям индустриализовавшегося общества, тормозя его развитие. Однако в большинстве колониальных и постколониальных социумов, как было сказано выше, община оставалась и остается базовым институтом, поскольку, несмотря на привнесение многих капиталистических институтов и видов отношений, в них (особенно в сельской местности) продолжали и продолжают существовать важные сферы и сегменты, которым община по-прежнему адекватна. В частности, «развитие Африки должно строиться на независимых национальных государствах, чья экономическая основа – доиндустриальное сельское хозяйство» (Hart 2011: 13). В то же время сегодня и в Африке там, где в сельской местности все же развивается капитализм, «декрестьянизация» начинает угрожать существованию общины как социального института (Byrceson 2018; Butovskaya 2019) при сохранении принципа общинности.

В-четвертых, институты функционируют на основе норм. Некоторые ученые даже считают, что социальные институты – это именно своды норм (общественных условностей, правил), а не учреждения и организации (см., например: Schotter 1981; North 1992; Taylor 1993). Нормы определяют правила поведения людей в рамках тех или иных институтов и сами рамки институтов – набор ситуаций и сфер жизнедеятельности, в которых члены общества должны вести себя в соответствии с нормами данного института. Тем самым нормы влияют на общественное поведение людей в рамках институтов, предписывая им одни социальные роли (модели поведения), допуская другие и запрещая третьи. За нарушение норм предусматриваются санкции. Нормы и санкции могут быть как писаными, так и неписаными, а институты, соответственно, формальными и неформальными. Естественно, нормы и санкции за их нарушение всегда неписанные (а институты, следовательно, – неформальные) в тех архаических обществах, у которых нет письменности. Но это ни в коей мере не означает, что нормы и санкции в них менее жесткие, а институты всегда более аморфные. Неписанные нормы основаны на так называемом обычном праве, которое, в свою очередь, воплощает в себе социокультурную традицию народа. Традиция же воспринимается как незыблемая, не нуждающаяся в доказательствах своей ценности и истинности, а потому поведение вопреки ей может быть строго наказуемо. В обществах, обладающих письменностью, деятельность социальных институ-

тов в значительной степени официально (законодательно) регламентирована, основные институты формализованы. Но и в них остается место для неформальных институтов (объединений родственников, землячеств, политических кланов и т.д.) и неписаных норм, обусловленных в современных социумах силой общественного мнения, а также санкций, основанных не на наказании, а на моральном осуждении.

Процесс сложения социального института – институционализации, начинаясь с появления общественной потребности в нем, завершается с установлением норм, на основе которых он начинает существовать, и выработкой иерархии статусов и ролей вовлеченных в него индивидов и групп. В этой иерархии каждый, кто включается в данный социальный институт, обретает то или иное место неизбежно, потому что становится его членом в определенном качестве, выполняет в нем ту или иную функцию. Системы статусов и ролей в рамках социальных институтов образуют их внутреннюю структуру. Поскольку с течением времени общественные условия существования социальных институтов меняются, системы статусов и ролей в них претерпевают трансформации. То есть структура институтов динамична, а история трансформаций систем статусов и ролей в них составляет суть истории самих социальных институтов.

Отдельный социум, мир-система, а в наши дни – и транснациональное глобальное сообщество могут быть представлены как системы социальных институтов. Социальные институты – единицы его организации, и общественные трансформации происходят в виде трансформаций институциональных – самих институтов и связей между ними. Каждый индивид включен во множество институтов, образующих его общество. По ходу социальной истории общества и системы обществ все более усложняются, и количество и разнообразие институтов, в которые вовлечен человек, нарастает. Обычно не задумываясь об этом, человек, как член общества, неизбежно и постоянно включен в социальные отношения и поэтому проводит всю жизнь в системе социальных институтов, каждодневно ситуативно «перемещаясь» из одного института в другой.

Общества и мир-системы состоят из социальных институтов, но они больше, чем их совокупность, и сложнее, нежели конструкция из подогнанных друг к другу отдельных деталей, подобно состоящему из бревен, кирпичей или панелей дому. Социальные институты обладают той или иной степенью автономности, но они никогда не изоли-

рованы друг от друга. Существенные изменения в одном институте неизменно сказываются на других институтах. Еще раз подчеркнем, что общество является сложной динамической системой пересекающихся, взаимозависимых, находящихся в постоянном многонаправленном взаимодействии друг с другом социальных институтов – в конечном счете, общество есть система взаимосвязанных социальных институтов.

Это так потому, что комплекс социальных институтов удовлетворяет (или, во всяком случае, призван удовлетворять) всю совокупность отдельных общественных потребностей. В свою очередь, их удовлетворение необходимо для непрерывного самовоспроизводства общества, что можно считать его наиглавнейшей потребностью. Поскольку общество обладает таким свойством, как системность (является «социальным организмом»), оно не может полноценно существовать и тем более нормально самовоспроизводиться, если удовлетворяются не все его фундаментальные потребности. Ведь в системе «дающие сбои» элементы, в данном случае – социальные институты, не удовлетворяющие те общественные потребности, которые они призваны удовлетворять, невозможно изолировать от всех прочих элементов системы, они тоже начинают «барахлить», и благополучное существование всей системы оказывается под большой угрозой. Причем выявить функцию социального института не значит объяснить, как он возник и почему приобрел ту форму, в которой его изучает исследователь: функция института может меняться, а сам институт при этом сохранять свою прежнюю форму (Malinowski 1960: 27-31).

Каждый социальный институт имеет главную функцию, но ею его функции, как правило, не ограничиваются. Например, несомненно, что главной функцией (смыслом и целью существования) института высшего образования является подготовка для общества интеллектуальной рабочей силы, способной вносить вклад в его развитие, в его воспроизводство. Однако очевидно и то, что у института высшего образования есть и другие функции, в частности, экономическая: обеспечение средствами существования той части общества, которая занята в этой сфере, – сотрудников вузов. Функции разных социальных институтов могут пересекаться. В частности, функцию социализации индивида – обеспечения усвоения им принятых в данном обществе норм поведения – выполняют институты семьи, образования, культуры, религии.

И основные, и дополнительные функции социальных институтов – явные, то есть декларируемые функции. Однако помимо явных, у социальных институтов могут быть и скрытые, не декларируемые функции (Merton 1968: 73-138; Helm 1971). Например, в рамках такого явления, как «престижная экономика», накопление богатств может иметь явную экономическую функцию, но за ней скрывается и не менее, а часто и более важная скрытая функция – поддержания или повышения общественного престижа, социального статуса обладателя сокровищ.

Будучи частями системы – социального организма, отдельные социальные институты и сами являются организованными социальными системами, только менее сложными и более низкого уровня, нежели общество в целом. Как и любая система, социальные институты характеризуются диалектическим сочетанием устойчивости и изменчивости своей структуры. Поэтому конкретные формы, в которых институты выполняют соответствующие их назначению функции, различаются от эпохи к эпохе в рамках одного общества. Тем более различаются они между обществами разных культурных областей («цивилизаций») и даже внутри них в один и тот же исторический период. Однако само предназначение определенных институтов для выполнения определенных функций по удовлетворению общественных потребностей посредством воспроизводства социальных практик и отношений остается неизменным.

Каждый социальный институт выполняет вполне конкретные функции – основные и дополнительные, явные и скрытые. В то же время есть функции, присущие всем социальным институтам как элементам одной системы – общества. Среди них – функции придания устойчивости общественным отношениям и их воспроизводства путем установления социального контроля, поскольку любой институт имеет признаваемые в его рамках нормы поведения и тем или иным образом стремится обеспечить их соблюдение. Другая общая функция институтов – регулирование социальных отношений посредством выработки и установления (санкционирования, признания правильными) способов поведения, социальных ролей тех или иных членов общества в тех или иных складывающихся в этом обществе ситуациях. С этой функцией связаны коммуникативная и социализационная функции институтов: знания о принятых способах и нормах поведения и навыки следования им должны эффективно передаваться как внутри, так и между поколениями членов социума. Также об-

щей функцией социальных институтов является обеспечение сплоченности членов общества – того, что в современном мире принято называть «национальным единством», – на основе разделяемых ими, несмотря на все индивидуальные и межгрупповые различия, базовых социокультурных ценностей и норм.

Совершенно неправильно было бы понимать функционирование социальных институтов механистически, как заданный процесс, безоговорочно прогнозируемый, в котором один возникающий феномен неизбежно приводит к появлению другого. Ограниченны и возможности саморегулирования институтов. Нельзя забывать, что, как уже подчеркивалось выше, хотя институты имеют общественную природу, действуют в их рамках люди, и человеческая субъективность не может не находить проявлений в том, как институты функционируют и к каким результатам их функционирование приводит. Так, деятельность политических институтов Российской империи в начале XX в. не имела целью смену государственного строя; наоборот, она была направлена на сохранение монархии. Однако действия тех, кто был облечен властью, привели к ее крушению. Высокая степень персонализированности институтов – чрезмерное влияние на их деятельность отдельных личностей – беспорное проявление их неустойчивости, свидетельство пребывания в состоянии кризиса.

В то же время, сколь субъективными ни казались бы причины «сбоев» в функционировании институтов, их дисфункция всегда имеет объективную предпосылку. Базовые общественные потребности сохраняются всегда, но те формы, в которых они могли бы удовлетворяться, не могут вечно оставаться одними и теми же. Общественное развитие требует изменения форм удовлетворения потребностей социума, то есть трансформации социальных институтов, а она может тормозиться апологетами их прежнего устройства. В предреволюционной России существовала не меньшая, чем в прежние времена, чем в любом обществе в любую эпоху, потребность в управлении социумом, то есть в эффективном функционировании политических институтов. Однако те политические институты, которые были адекватны реалиям доиндустриальной поры, не были в состоянии обеспечить должное удовлетворение потребности общества в управлении им в ситуации, когда все более отчетливо проявлялась объективная необходимость осуществления модернизации страны, причем не просто и не только экономической, но и в первую очередь соответствующей ей социальной, а также политической. Стремление же элит по-

литических институтов Российской империи сначала предотвратить модернизацию общества, а затем провести ее так, чтобы сохранить его сословную социальную структуру и реальную полноту монархической власти, вошло в противоречие с объективной потребностью общества в реальных изменениях и привело к краху тогдашней модели государства и социума.

Таким образом, социальные институты существуют на всем протяжении истории человеческого общества потому, что имеют и выполняют функции, то есть задачи – удовлетворять общественные потребности и тем самым позволять социальному организму постоянно самовоспроизводиться. В рамках социальных институтов удовлетворяются потребности не только общества как целого, но и составляющих его групп и индивидов. При этом социальные институты не остаются статичными: выполняя все те же функции, они из поколения в поколение изменяются, а тем самым меняется общество как целое, как система институтов. В результате оно может рано или поздно обрести новую форму, причем на основе как следования прежнему фундаментальному принципу социокультурной организации, так и перехода на другой базовый принцип.

Базовые принципы и формы организации обществ

Даже самые простые общества состоят из множества социальных институтов. Организационный принцип, который воплощает общество, зависит от того, как соотносятся в нем институты – как они ранжированы по отношению друг к другу. Кэрол Крамли ввела в антропологию понятие «гетерархия». В прямом соответствии с содержанием этого понятия в биофизике, откуда она и перенесла этот термин в науку об обществе, К. Крамли определяет гетерархию «... как взаимоотношение элементов, при котором они неранжированы или когда они обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными несколькими различными способами» (см., например: Crumley 1979: 144; 1987: 158; 1995: 3; 2001: 25; 2005: 39). Соответственно, противоположная гетерархии ситуация может быть названа «гомоархией» и определена как взаимоотношение элементов (социальных институтов), при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают (или обладают небольшим) потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другим или несколькими другими способами, по крайней мере, без кардинального

изменения всего общественно-политического устройства (см., например: Бондаренко 2006; 2007; Bondarenko 2006; 2007).

Оппозицией «гетерархии» является именно «гомоархия», а не «иерархия», потому что не бывает неиерархических (не имеющих иерархий внутри и между институтами), в полном смысле слова эгалитарных обществ. Институты образуют иерархическую структуру общества как системы – иерархическую неизменно и неизбежно. Одна из бед современного мира заключается в том, что в нем все большую силу набирает представление об общественной справедливости как о тотальном равенстве – социальной одинаковости всех во всем и всегда. Апологеты этого мировоззрения считают необходимым уничтожить социальные иерархии как якобы коренной изъян общественно-го устройства и активно борются с их проявлениями в любых сферах жизни социума и индивида. Однако общество – от локальной группы до глобального человечества – структурируется, т.е. поддерживается в состоянии относительной устойчивости и при этом сохраняет способность к изменениям, в т.ч. позитивным – к развитию, иерархиями социальных институтов. Борьба же с гомоархичностью как системным неравноправием, при котором члены социально униженных групп – «субальтерны» (Checker, Fishman 2004; Chu 2004: 38-39; Buttigieg 2018) – всегда, в любой ситуации оказываются ниже представителей привилегированных групп, оборачивается ведущей к разрушению общества яростной борьбой за уничтожение иерархий вместо борьбы за усиление в нем гетерархического принципа их соотношения и связи. В действительности поборникам справедливости как равенства имеет смысл стремиться не к установлению тотального равенства посредством разрушения всех и всяческих иерархий, а к недопущению жесткой и единообразной ранжированности множественных иерархий – к господству гетерархического принципа организации общества. В этом случае справедливость будет заключаться в том, что каждый член общества может оказаться выше другого члена общества в одних социальных контекстах (в рамках одних социальных институтов) и ниже его или равным ему же в других.

Возвращаясь к антропологии, следует отметить, что в ней обычно «неиерархическими» или «эгалитарными» неточно и неверно называют общества, в которых сложилась система гетерархически соотносящихся друг с другом иерархий. Иерархия – атрибут любой социальной системы, притом, что в любом обществе можно наблюдать и «вертикальные» (доминирования – подчинения), и «горизон-

тальные» (равноправные) социальные связи (см., например: Berreman 1981; Smith 1985; Ehrenreich et al. 1995: 1-5, 87-100, 116-120, 125-131; Blanton 1998; Crumley 2005). Однако «вертикальные» и «горизонтальные» связи играют различную роль в разных обществах в каждый конкретный исторический момент или период. Так что вопрос о различиях между обществами с точки зрения их организации как систем институтов заключается не в том, образуют институты иерархии или нет, но в том, как эти иерархии институтов взаимосвязаны.

Даже у так называемых эгалитарных охотников и собирателей (Woodburn 1982), которые могли не иметь родов или иных десцентных групп, концепций социальной иерархии и лидерства, чье мировидение подталкивало их к тому, чтобы «усердно стараться относиться ко всем как к равным» (Flannery, Marcus 2012: 549), а «накопление богатства считалось асоциальным» (Barnard 2017: 331), – хадза, сан, палийан, бирхор, шошонов и др. – ученые обнаруживают минимальную социальную дифференциацию и, соответственно, иерархии и неравенство в сочетании с неформальным лидерством (см., например: Johnson G.A. 1982; Johnson A.W., Earle 2000; Lewis 2002; Артёмова 2009). С исторической точки зрения «общепринятый в науке взгляд, согласно которому изначальное социальное равенство было естественным состоянием человечества и отправной точкой человеческой истории, может оказаться научной конструкцией, несовместимой с реалиями древности» (Finlayson, Artemova 2020: 9). Не только не следует путать гетерархию с эгалитаризмом в строгом смысле этого слова, но и гомоархия не должна отождествляться с иерархией.

В то же время необходимо подчеркнуть, что невозможно обнаружить не только общества с полным отсутствием иерархий (в том числе неформальных), но и всецело гомоархические общества. С одной стороны, как справедливо отмечает Петер Швайцер, необходимо «уничтожить общий ярлык “эгалитарности” и превратить его в континуум реальных констелляций неравенства. ... даже горячие сторонники “первобытного коммунизма” соглашаются, что “полного равенства” не существует...» (Schweitzer 2000: 129). С другой стороны, на противоположном конце шкалы уровней сложности даже такие общества, как «архаические государства», обычно представляемые обществами с низкой социальной мобильностью и высокой степенью бюрократизированности (Египет эпохи фараонов, Ур времени III династии, держава инков и др.), в действительности «бы-

ли и гетерархическими, и иерархическими [гомоархическими]» (Marcus, Feinman 1998: 11; выделено авторами. – Д.Б.). Таким образом, на самом деле речь должна идти не о гетерархических и гомоархических обществах как составляющих жесткую оппозицию друг другу типам, а об оси гетерархии-гомоархии, вдоль которой в той или иной точке располагаются все общества.

Более того: на уровне не теории, а исторических реалий иногда кажется слишком затруднительным обозначить общество как «гомоархическое» или «гетерархическое» даже на самом общем уровне анализа, как в случаях с позднеантичными германцами и раннесредневековыми «варварскими королевствами», в которых монархическая власть и достаточно жесткая социальная иерархия сочетались (по крайней мере, поначалу) с демократическими институтами и процедурами (например, выборами короля), не менее значимыми для функционирования социально-политической системы как целого (см., например: Diesner 1966; Claude 1970; Гуревич 1999: 45-57; Санников 2003). Уже давнее высказывание Гэри Файнмана остается актуальным: «Антропологи долго дискутировали о спектре социальных механизмов, интегрирующих людей посредством и горизонтальных (более эгалитарных), и вертикальных (более иерархических) связей», но только «продолжающиеся сравнительные исследования должны помочь поместить эти разнообразные социальные приспособления в более широкий диахронный контекст» (Feinman 1996: 189). Как бы то ни было, нереально измерить степень гетерархичности и гомоархичности того или иного общества с математической точностью, например, в процентах. Сугубо количественный подход здесь вообще неприемлем: наличие в обществе, допустим, десяти социальных иерархий не делает его более гетерархическим и менее гомоархическим по сравнению с обществом с пятью социальными иерархиями, если в первом из них присутствует, а во втором отсутствует одна доминирующая иерархия, организующая систему общественных институтов в целом. Путь к определению общества как преимущественно гетерархического или гомоархического лежит через анализ его как целого – как системы иерархий социальных институтов, и целью этого анализа должен быть не подсчет иерархий, а понимание характера и способа их взаимосвязи.

Следовательно, вопрос, встающий при исследовании под данным углом зрения конкретного общества, – жестко, всегда единообразно или не жестко и ситуативно ранжированы в нем иерархии: оказыва-

ются ли некие два индивида или группы индивидов единообразно ранжированными по отношению друг к другу в любом социальном контексте? К примеру, в образцово гетерархическом обществе пуштунов долины Сват, каковым оно предстает в описании Фредрика Барта (Barth 1959), человек мог занимать неодинаковое место в иерархиях трех пересекавшихся главных элементов социальной организации: территориальных делений, каст и патрилинейных родственных групп, дополнявшихся значительным количеством добровольных ассоциаций, основывавшихся на соседстве, браке и свойстве, политическом и экономическом клиентелизме и т.д. Таким образом, индивид *X* мог быть выше своего соплеменника *Y* в одном социальном контексте, но ниже или равным ему в другом. Еще один архетипический пример сложной гетерархической системы – гражданская община (полис) Афин V–IV вв. до н.э., в которой граждане, имевшие более низкий статус в одной иерархии (допустим, военной), вполне могли занимать более высокое положение в других (скажем, экономической или управленческой – в системе магистратов). Соответственно, было невозможно утверждать, что один гражданин социально выше или ниже другого в абсолютном смысле. Все граждане эксплицитно уравнивались друг перед другом законом (и им же безоговорочно поднимались над не-гражданами – напомним, что не бывает полностью гетерархических, как и совершенно гомоархических, обществ).

В то же время история дает множество примеров ситуаций, в которых жесткая социальная стратификация однозначно определяла места индивидов и групп в социуме, по крайней мере, в формально-правовом отношении. Например, русский крепостной крестьянин ни при каких условиях не мог считаться социально равным мещанину, а тот – дворянину, как не может солдат не быть ниже офицера. Вообще регулярная армия представляется идеальным образом в целом гомоархического общества и реальной моделью подобного сообщества. Жесткое вертикальное деление военнослужащих по воинским званиям – ее всеохватывающая основа и залог эффективности функционирования; положение человека в армии есть прямая производная от его позиции на единственной шкале званий, которой всецело определяются сферы и границы его профессиональных обязанностей, ответственности и прав. В то же время неформальные горизонтальные связи соединяют военнослужащих одного и того же или близких званий, устанавливая неформальные вторичные

иерархии, например, придавая больший авторитет среди сослуживцев храбрым солдатам, нежели трусливым, талантливым военачальникам, нежели бездарным.

Люди создают и модифицируют институты в соответствии с выработанными в их обществах системами ценностей и моделями поведения, которые они усваивают в процессе социализации как культурной трансмиссии (Ellen, Fischer 2013: 10-17). Вследствие этого иерархии социальных институтов отражают иерархию принятых в обществе ценностей. Иначе говоря, каждая иерархия подкрепляется особой системой ценностей, в свою очередь, коренящейся в космологии членов данного социума – представлениях об устройстве мироздания, месте и предназначении, смысле существования в нем их самих, их общества и его институтов (Bondarenko 2007; Nickel, Haynes 2018).

С одной стороны, доминирование так называемых коллективных идеологий способствует установлению социокультурной гетерархии и ограничивает индивидуальную власть или даже препятствует появлению ее институтов (Flannery, Marcus 2012; Arnason et al. 2013; Wright 2016). С другой же стороны, общество может считаться гомоархическим, когда в нем утверждается одна ценность, центральная для всех существующих в нем социальных иерархий, не только интегрирующая, но и ранжирующая пирамидальным образом все остальные, вторичные по отношению к ней, ценности и социальные иерархии, за которыми они стоят. В таких условиях эта ценность «охватывает» все остальные и делает общество, по выражению Луи Дюмона (1997; Dumont 1980), «холистическим», т.е. гомоархическим, когда целое безусловно доминирует над составляющими его частями как высшее выражение этой всеобъемлющей и всепроникающей ценности. Л. Дюмон опирался на свои исследования кастового строя в Индии, приписав статус «охватывающей» идее о степени ритуальной чистоты как определяющей место каждой касты и индивида в индуистском социуме. Ныне взгляды Л. Дюмона нередко подвергаются критике и индологами, и исследователями общих проблем социокультурной организации (см., например: Guha 2013; Subedi 2013; Nickel, Haynes 2018). Тем не менее, немало специалистов в области и индийской культуры, и других культур по-прежнему признают, пусть иногда и с оговорками, ценность его концепции (см., например: Veer, Wu 2017). По нашему мнению, значимость теоретического вклада Л. Дюмона подтверждается, например, тоталитарными обществами XX в., в которых, скажем, идеи коммунизма, маоизма и т.п.

явственно играли роль, приписываемую Л. Дюмоном ритуальной чистоте в Индии.

В подтверждение значимости теоретических положений Л. Дюмона можно привести и примеры так называемых традиционных обществ. В частности, Ян Вансина сделал обобщение, что «королевства Тропической Африки... являлись продуктами идеологии более чем любой другой силы... Королевства Тропической Африки действительно сначала были созданы в умах и укоренены в вере» (Vansina 1992: 21, 24; в связи с различными конкретными политиями доколониальной Африки аналогично см., например: Fairley 1989: 91-99; Ray 1991: 206; Kodesh 2010; Farelius 2012; Fuglestad 2018: 57-68; Niang 2018; Robertshaw 2019: 146-148). Даже в простых обществах гомоархизация могла произойти благодаря выдвиганию на передний план идеологий, основанных на «охватывающей» идее фундаментального деления всех членов общества на тех, кто имеет и не имеет доступ к эзотерическим знаниям и право осуществлять связанную с ними деятельность, в том числе управленческую, как показывают данные по аборигенам Австралии (Bern 1979; Artemova 2003; Peterson 2020).

Однако «охватывание» не всегда коренится непосредственно в области идей и ценностей. Оно вполне может возникнуть как результат религиозно-идеологической концептуализации уже существующих социально-политических реалий, как это произошло в Полинезии с идеей «конического клана», или рэмиджа, заключающейся в том, что генеалогическое расстояние от старшей родственной линии есть единственный главный критерий социальной стратификации. Существование же рэмиджа прослеживается еще в протополинезийской культуре первых переселенцев на острова и архипелаги этой географической и историко-культурной области (см., например: Sahlins 1958: XI-XII, 139-180; Goldman 1970; Kirch, Green 2001; Claessen 2018).

В любом случае, в противоположность «холистическим» (гомоархическим) социумам, в условиях «множественности “иерархических”, или асимметричных, оппозиций, ни одна из которых не сводима ни к одной другой или к единой всеподчиняющей оппозиции или идее», «ситуация немедленно отклоняется от формулировки Дюмона» (Mosko 1994: 214) – общество не подходит под гомоархическую модель. Во в целом гетерархическом обществе можно с большей степенью вероятности, чем во в целом гомоархическом ожидать позитивной оценки индивидуализма в его интеллектуальной и социаль-

ной жизни («сфокусированной на эго социальной системы» [White 1995]), связанной с установленным в нем акцентом на личные честь и достоинство, как и важности общественного мнения, высокой степени социальной мобильности и, по крайней мере численного, прева-лирования достигнутых статусов над изначально предопределенными. Это типично не только для таких парадигматических примеров гетерархических культур, как античные полис и цивитас, средневековые торговые города-государства Средиземноморья и Северной Европы или страны Запада начиная с эпохи Возрождения, но и для многих других культур, возможно, менее знаменитых, но не менее важных для антропологического теоретизирования: «эгалитарных» охотников и собирателей, «акефальных сложных обществ» горных районов, таких как Гималаи или Кавказ, племенных обществ Северной Америки, Евразии и Африки и т.д. – этот список можно было бы продолжать достаточно долго (см.: Bondarenko 2006: 12, 93-96).

При этом важно отметить, что акцент на индивидуализме, чаще встречающийся в гетерархических обществах, не делает их цитаделями социального равенства, как бы оно ни понималось. Напротив, позиционируемая и воспринимаемая как эгалитарная, идеология индивидуализма скорее способствует утверждению социального неравенства, поскольку превращает межличностное соревнование, в котором всегда есть победители и проигравшие, в важную черту гетерархического общества (Rio, Smedal 2011: 27-34). «На практике сила эгалитарной идеологии заключена в стремлении людей демонстрировать свое социальное отличие как естественное» (Kapferer 2012: 174). Это обстоятельство дает дополнительный повод подчеркнуть, что гетерархия не означает отсутствие иерархии или эгалитарность.

Брюс Триггер постулировал, что роль гетерархических связей была выше в маленьких городах-государствах, чем в более крупных и чем в территориальных государствах (Trigger 2003: 196-197, 661, 665-666). Даже если он и был прав в отношении так называемых ранних цивилизаций, то закономерность «меньше территория – больше гетерархии» явно не действует в негосударственных и современных индустриальных и постиндустриальных обществах. Например, типичное племя, в целом гетерархическое, обычно занимает достаточно обширную территорию, тогда как вождество в целом гомоархично и, как правило, сравнительно компактно. Что же касается современных обществ, то развитие принципов федерализма и народного представительства на местном и национальном уровнях вкуче с совершенст-

вованим средств коммуникации элиминировало роль размера территории страны как значимого предиктора типа общества. Однако в свете отмеченной Б. Триггером тенденции мы можем рассматривать ранние цивилизации как культуры, в которых наиболее ярко проявилась очень важная переменная, ведущая к становлению гетерархии или гомоархии в обществах любых типов. Эта переменная проявляется в том, что, как правило, гетерархические связи и институты получают большее развитие в тех обществах, где значение непосредственных межличностных отношений выше, или хотя бы не ниже, чем отношений деперсонализированных и формализованных.

К. Крамли настаивает на «добавлении термина гетерархия в словарь отношений власти...» (Crumley 1995: 3; см. также, например: Crumley 2005: 36, 40-41) и видит предпосылку гетерархической социально-политической организации в множественности источников власти, т.к. ее концепция направлена на изучение непосредственно политической подсистемы общества. Разрабатывая, в частности, проблематику «гетерархического государства», К. Крамли в этом отношении не отличается от большинства более традиционно мыслящих теоретиков, для которых «вся прогрессия (общественных форм. – Д.Б.) ... определяется в терминах политической организации» (Vansina 1999: 166) и которые «утверждают, что эволюция социальной сложности должна пониматься прежде всего как политический процесс» (Earle 1994: 940). В конечном счете, К. Крамли также склонна видеть в государстве лишь специфическую форму политической организации. Такое понимание государства, в частности, приводит К. Крамли и ее последователей к необоснованному отождествлению гетерархии с демократическим политическим строем (Crumley 1995: 3; 2005: 46-47; Vliet 2005; 2008), отсутствия «короля» – с отсутствием в обществе каких-либо «иерархических черт», или же к отождествлению гетерархии с отсутствием автократии вследствие разделения власти между сувереном и коллективными органами, такими как советы вождей и тайные союзы (McIntosh 1999: 9-16, 23, 77). Однако, во-первых, подлинная автократия в этом смысле – исключительно редкое явление в мировой истории; во-вторых, истинная степень демократичности политической системы не зависит всецело от ее внешней формы (ср., например, страны Западного и Восточного блоков эпохи Холодной войны с действующими демократическими системами политических институтов в обоих случаях); и, в-третьих, во многих случаях реальная демократичность

или не демократичность политической системы может являться производной от демократического или не демократического характера базовых социальных институтов – в доиндустриальных и многих современных незападных обществах, в первую очередь, семьи и общины (Bondarenko, Korotayev 2000; 2004; Коротаев, Бондаренко 2001; Бондаренко 2004; Barry III 2003).

В противоположность таким взглядам, мы считаем правильным и даже необходимым применять оба понятия, гетерархии и гомоархии, в более широких рамках социальных отношений и социальной структуры в целом, а не только в связи с отношениями власти. Политические институты образуют лишь часть структуры общества, неразрывно взаимосвязанную со всеми другими ее частями (особенно в доиндустриальных социумах), и, как подчеркивалось выше, чрезмерный акцент на административную систему может приводить к упрощенному отождествлению гетерархии с демократическим политическим строем (в то время как, в частности, гетерархическая социальная структура древнегреческого полиса допускала не только демократические, но также аристократические, олигархические формы политической организации). Общую характеристику же обществу следует давать как целому – как воплощению его определенного типа. Более того, в этом нам видится возможный ключ к пониманию (по крайней мере, на начальном уровне) условий сложения того или иного общества как преимущественно гомоархического или гетерархического. Как указывают социологи, «каждая подсистема общества характеризуется своей собственной формой стратификации: прибыль и богатство в экономической сфере, привилегии и власть в политической системе, моральная ценность и личное доверие в религиозной и семейной жизни, и престиж и уважение в профессиональном мире» (Laumann et al. 1970: 589). Следовательно, чем больше взаимосвязаны подсистемы (комплексы институтов, обслуживающих одну и ту же сферу общественной жизни), тем в меньшей степени критерии общего социального ранжирования применимы только к определенным сферам жизнедеятельности общества. Иначе говоря, чем больше взаимосвязимы подсистемы (комплексы взаимосвязанных институтов), тем выше вероятность того, что в любом социальном контексте индивиды и их группы будут ранжированы одним и тем же образом на основе одной ценности, «охватывающей» все взаимосвязанные сферы общества. В этом случае можно фиксировать установление гомоархического социального порядка. Логично и то, что среди архаических

сложных обществ было больше гомоархических, чем гетерархических, поскольку в условиях господствовавшей в них дюркгеймовской «механической солидарности» (Дюркгейм 1996) редко осуществлялось достаточно четкое разделение сфер общественной жизни.

Таким образом, наш подход основывается на убежденности в том, что, определяя общество как гетерархическое или гомоархическое, необходимо выходить далеко за рамки анализа его политических институтов. Общество должно рассматриваться как целостность, как система институтов всех видов, которая воплощает один из базовых принципов общественной организации, которому адекватна и система политических институтов. В частности, государство представляет собой «...особый тип социальной организации, выражающий особый тип общественного устройства в социуме» (Claessen 2003: 161), а не просто «политическую или управленческую единицу» (Marcus, Feinman 1998: 4), «нечто политическое» (Testart 2012: 105). Общество дополняет и сочетает политические характеристики с характеристиками социальными, а через них – и экономическими. (Однако следует иметь в виду, что социальная и политическая подсистемы могут развиваться асинхронно: не всегда, но часто политическая система эволюционирует более быстрыми темпами). В то же время, как особо отмечалось выше, в обществах неправильно видеть изолированные сущности – почти всегда они являются частями социокультурных сетей, в рамках которых происходят динамические трансформационные процессы. С этой точки зрения особенно показательны примеры систем политий суверенных городов майя в доколумбовой Центральной Америке, йоруба и хауса в доколониальной Западной Африке: они состояли из обществ, в большинстве случаев организованных преимущественно гомоархически, но эти системы политий так никогда и не превратились в интегрированные империи, а оставались в целом гетерархическими социокультурными сетями, пусть в отдельные исторические периоды в них доминировали те или иные политии (города).

Базовый принцип создания иерархии социальных институтов существенно влияет на характер отношений в обществе, направление и темпы его трансформации. Эти процессы могут иметь любое направление и привести как к повышению, так и понижению или сохранению прежнего общего уровня социокультурной сложности общества, к продолжению воплощения прежнего базового принципа его организации или смене базового принципа с гетерархического на гомоар-

хический или наоборот (Коротаев и др. 2000; Бондаренко 2006; Claessen 2006; некоторые примеры подобных метаморфоз см.: [Березкин 2000; Raaflaub 2005; Kusimba et al. 2017]). Важно отметить, что смена организационного принципа при сохранении прежнего уровня социокультурной сложности – явление, встречающееся достаточно часто. В этих случаях социальной эволюции в ее традиционном для антропологов понимании – как движения от низшего к высшему, от простого к сложному – не происходит. Тем не менее, совершается радикальная внутренняя трансформация и реорганизация социальных институтов, притом, что уровень сложности социокультурной системы остается прежним (несколько из многих примеров таких преобразований у народов различных эпох и регионов см.: [Leach 1954; Шкунаев 1988; Ferguson 1991; Levy 1995; Korotayev 1996; Lynsha 1998; Kowalewski 2000; Дождев 2002; Kradin 2011; Joyce, Barber 2016]). (Примечательно, что в теории биологической эволюции переход от более иерархизированной структуры к структуре менее иерархизированной не рассматривается как деградация или регресс, если такой переход не сопровождается понижением степени приспособленности организма к окружающей среде [см., например: Futuyma 1997]).

Дихотомию гомоархических и гетерархических обществ можно наблюдать на всех уровнях социокультурной сложности во все исторические периоды и во всех частях света. Следовательно, степень гомоархизации не является верным критерием определения общего уровня развития социума вопреки однолинейным схемам социальной эволюции, предполагающим, что повышение сложности (по крайней мере, вплоть до уровня доиндустриального государства) неизбежно сопровождается социально-политической гомоархизацией – нарастанием неравенства и социальной стратификации, сокращением роли широких слоев населения в политической жизни и т.д. (см.: Service 1962/1971; Fried 1967 и т.п.). В частности, в противоположность большинству теорий государства, политическая централизация не должна рассматриваться как особенность именно государственных обществ, т.к. она столь же присуща и многим негосударственным формам общества (Bondarenko 2006: 25-26, 2014: 221-222), включая даже некоторые формы простых обществ (см., например: Godelier, Strathern 1991; Redmond 1998).

Очевидные альтернативы однолинейным эволюционным схемам при неподвижном подходе нетрудно обнаружить буквально на каж-

дом уровне сложности, включая уровень государства (подробное обсуждение этого вопроса со множеством примеров см. в: Бондаренко и др. 2010; также см., например: Grinin et al. 2004; Гринин и др. 2006). В частности, на уровне среднемасштабных обществ (т.е. обществ, имеющих один уровень надлокальной – как правило, фактически надобщинной – социально-политической интеграции) гомоархический и гетерархический принципы общественной организации наиболее полно воплощают, соответственно, вождества и племена. Как писал Элман Сёрвис, «вождество имеет, в известном смысле, пирамидальную или коническую структуру... Вождество радикально отличается от племени... не только экономической и политической организацией, но и в вопросе социального ранжирования ... племена эгалитарны, вождества глубоко неэгалитарны» (Service 1971: 142). Однако с точки зрения уровня сложности племя и вождество равны и, следовательно, являются гетерархическим и гомоархическим вариантами среднемасштабного общества. С типологической точки зрения племя – альтернатива, а не предшественник вождества (Коротаев 1995; Крадин 2015). Примечательно, что Э.Р. Сёрвис сам, очевидно, видел стадияльно-типологическую равноположенность вождества и племени, но однолинейность общего подхода, при котором возрастание степени политической централизации служит критерием «развитости», требовала от него и других мыслявших таким же образом ученых поставить племя ниже вождества. Попытки обосновать расположение племени ниже вождества на эволюционной лестнице получились настолько откровенно неудачными, что племя вообще оказалось на грани исключения из схемы эволюции форм общественно-политической организации как якобы возникающее только под воздействием внешних факторов (Fried 1975; Townsend 1985: 146; Carneiro 1987: 760; Johnson A.W., Earle 2000). И это притом, что форма социально-политической организации, описанная Э.Р. Сёрвисом как племенная (Service 1978: 111-217), обнаруживается во многих регионах Евразии, Африки, Америки в различные исторические эпохи от древности до современности (см.: Bondarenko 2020b: 60-61).

Деление обществ на гомоархические и гетерархические, пусть, как указывалось выше, не жесткое и не абсолютное, – постоянный факт социокультурной истории человечества; его появление даже предшествует ее началу: ученые делят сообщества приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития, включая сообщества приматов одного вида, на «деспотические» и «эгалитарные»

(см., например: Vehrencamp 1983; Matsumura 1999), т.е. гомоархические и гетерархические в нашей терминологии. В то же время недавние исследования убедительно показали, что подлинный эгалитаризм не присущ сообществам дочеловеческих приматов даже в большей степени, чем человеческим сообществам: дочеловеческие «...виды приматов... демонстрируют разнообразие степеней доминирования», а не эгалитарность (Butovskaya 2020: 20). Среди людей же восприятие полного межличностного и общественного равенства как нормы и стремление к нему, если не считать обществ XX в. с коммунистической идеологией, утопических коммун, возникавших в основном в XIX–XX вв., и некоторых современных субкультурных сообществ, характерно только для части социумов охотников и собирателей, причем и им достичь действительной эгалитарности на практике удастся редко, а ее последующее поддержание требует от всего общества колоссальных усилий (Flannery, Marcus 2012: 37-39; Artemova 2020; Finlayson 2020). Таким образом, дихотомия гетерархии и гомоархии, очевидно, коренится в глубокой предыстории человечества, и не случайно, что в обществах людей она обнаруживается при сравнении уже простейших культур, известных антропологии, – неспециализированных охотников и собирателей (см.: Bondarenko 2020b: 61).

Для уровня простых земледельческих деревенских общин один из показательных примеров дает сопоставление двух китайских деревень на Тайване, исследованных в середине прошлого века Бёртоном Пастернаком (Pasternak 1972). Эти деревни имели общее происхождение, но в одной из них (Чунше) в конце концов сложилась гомоархическая система корпоративных патрилиниджей при постоянном политическом доминировании одного из них, в то время как в другой деревне (Тате) развитие линиджей было рано пресечено вследствие формирования корпоративных объединений, перекрывавших границы родственных групп, что привело к сложению гетерархической системы нелокализованных агнатных десцентных групп, каждая из которых могла выдвинуть кандидата на роль главы деревни. В некоторых племенных обществах, к примеру, у нага и качинов Индии и Мьянмы, автономные деревни, имея одинаковый тип экономики и уровень социокультурной сложности, также могут различаться системами управления, варьирующими в диапазоне от основанных на власти наследственных вождей до возглавляемых старейшинами, выбранными и назначенными членами деревенских советов (Leach 1954; Das 2017).

Общества одного уровня социокультурной сложности и базового принципа организации могут принимать разные конкретные формы – альтернативность существует не только между, но и внутри гетерархической и гомоархической макрогрупп обществ. Так, племя отнюдь не является единственной возможной формой среднемасштабного гетерархического социума. Среди целого ряда других вариантов среднемасштабных гетерархических обществ можно упомянуть, к примеру, систему сложных акефальных общин с автономными семейными домохозяйствами, сложившуюся у живущего в Гималаях народа апатани (Fürer-Haimendorf 2004). Также нет никаких оснований утверждать, что раннее государство, гомоархическое по определению (Classen et al. 2008: 260), было единственной возможной и исторически известной формой гомоархического доиндустриального сверхсложного общества (Bondarenko 2006). Альтернативами ему были не только сверхсложные гетерархические общества (культуры Индской цивилизации, древнегреческий полис, «республики», или «вольные общества», Горного Дагестана XVII–XIX вв. и т.д.), но и сверхсложные негосударственные гомоархические общества; в частности, социумы в Индии и за ее пределами, основанные на кастовом строе. Другой пример гомоархической альтернативы гомоархическому же государству дают многочисленные мегаобщины доколониальной Африки или Юго-Восточной Азии I – начала II тыс. н.э. – общества, базировавшиеся на воспроизведении родственной (большесемейной) социокультурной «матрицы» на многочисленных надобщинных уровнях. Также вождества могли трансформироваться не в государства, а в столь же сложные и гомоархические, сколь и ранние государства, суперсложные вождества, что было характерно для древних и средневековых кочевников Евразии (см.: Bondarenko 2020b: 62).

При всем вышесказанном, необходимо подчеркнуть, что конечный смысл и задача исследования конкретных обществ в парадигме «гетерархия – гомоархия» – не в определении их как гетерархических или гомоархических. И дело даже не в специально оговоренной выше возможности обществ быть гетерархическими или гомоархическими только преимущественно, но не абсолютно. Здесь полезно вспомнить о дискуссиях последних десятилетий по вопросам о соотношении понятий по своей сути метафизических «стадиальных типов» и динамических «трансформационных процессов» и о плодотворности отдающих предпочтение тому или иному из них подходов (см., например: Carneiro 2000), спровоцированных нарастающей со

второй половины 1980-х гг. неудовлетворенностью ученых доминировавшими к тому времени схемами, представлявшими социальную эволюцию как смену универсальных типов (форм) общественно-политической организации. Среди подобных схем наиболее прочно утвердившейся была та, которую предложил в начале 1960-х гг. Э.Р. Сёрвис: локальная группа (бэнд) – племя – вождество – государство (Service 1962). Суть проблемы – не в том, что якобы не существует общественных типов или что в действительности их гораздо больше четырех, но то, что они не могут быть расставлены на «ступенях» единственной «лестницы», и что сугубо типологическое мышление, особенно однолинейное, не позволяет оценить в должной мере перемены, приводящие к радикальной трансформации общества, однако не поднимающие его на следующую «ступень» пресловутой «лестницы» типов. Дискуссии показали, что само по себе отнесение того или иного общества к какому-либо типу мало что дает для понимания его сути и особенно мало – для понимания механизмов его формирования и трансформаций. Как писал Роберт Венке: «Здесь важно то, что простые категории, такие как “бэнды”, “племена”, “вождества” и “государства”, – это статичные дескриптивные типы, которые не приносят большой пользы при анализе происхождения и функций явлений, которые эти ярлыки условно описывают» (Wenke 1999: 344). Отнесение общества к тому или иному типу как конечная цель исследования фактически означала просто наклеивание на него некоего ярлыка. Например, долго ломались копыя по поводу того, были общества ольмеков, Кахокии, Гавайев государствами или вождествами (см., например: Griffin 1983; Earle 1997: 44, 87-89, 132, 138, 202-203; Muller 1997; Flannery 1998: 55-57; Johnson A.W., Earle 2000: 293-294; Spencer, Redmond 2004: 184-187). Но что дает нам для понимания этих социумов простое определение их тем или иным понятием? И от этих определений подавно никак не зависели сами историко-культурные реалии обществ; их типологическая оценка – не более, чем интерпретация ученых, повторим, для понимания этих реалий мало что дающая.

Гораздо более перспективными с точки зрения своего эвристического потенциала сегодня представляются теории, в основе которых – идеи не о реализации в обществах неких обезличенных «объективных законов развития» (наследие эволюционизма XIX в. и шире – западной философской и интеллектуальной традиции Нового времени), а об активной роли людей – представителей и политических

элит, и всех слоев общества – в выработке принципов организации и направлений трансформации социумов, в том числе путем создания и изменения социальных институтов. К числу наиболее значимых построений такого рода, по нашему мнению, относятся, в частности, теория корпоративной и сетевой стратегий и теория коллективного действия (см., например: Blanton et al. 1996; Blanton, Fargher 2016), призванные, как и концепция гетерархии и гомоархии, «... учесть вариативность обществ схожих уровня сложности и масштаба» (Blanton et al. 1996: 1). В частности, в контексте концепции «гетерархии – гомоархии» можно вести речь о том, что выбираемые членами того или иного общества стратегии достижения целей и формы кооперации, ведущие (осознанно или неосознанно со стороны людей) к сохранению, изменению старых и формированию новых институтов и правил социального ранжирования, различаются в зависимости от общего характера культур, принятых в них систем ценностей и норм социализации. Эти стратегии и формы сами по себе могут быть гетерархическими или гомоархическими и способствовать утверждению в обществах соответствующих базовых принципов организации.

Также и в рамках парадигмы «гетерархия – гомоархия» важно не ограничиваться констатацией того, что в изучаемых социумах в те или иные моменты их истории в большей мере воплощался гетерархический или гомоархический принцип организации обществ, а, отталкиваясь от этой констатации, исследовать в динамике, как конкретно в них в целом и в образующих их институтах сочетались эти принципы, развертывание каких социокультурных механизмов, стратегий, процессов, тенденций привело к такому результату. При этом нельзя забывать и не учитывать, что соотношение гетерархических и гомоархических принципов организации общества может измениться в любом направлении в любой момент при любой существенной трансформации системы его институтов.

Из всего написанного выше вытекает, что трансформации гомоархического и гетерархического вариантов ранжирования социальных институтов и их комплексов, с одной стороны, и изменения общего уровня социокультурной сложности – с другой, представляют собой два разных, в целом не связанных друг с другом процесса. Гомоархия и гетерархия – не только не стадии, но и не линии эволюции: переход общества от преимущественно гетерархического способа ранжирования институтов к преимущественно гомоархическому или наоборот может как сопровождаться, так и не сопрово-

даться изменением общего уровня его сложности. На любом уровне социокультурной сложности встречаются и гетерархические, и гомоархические общества, т.к. одинаковый уровень сложности (позволяющий обществу решать встающие перед ним проблемы одной степени трудности) может достигаться в разных формах на различных по сути, хотя и пересекающихся в истории многих обществ и регионов, принципах организации обществ. В синергетике – «науке о сложности» – общества, базирующиеся как системы (институтов) на гетерархическом принципе организации, были бы признаны более сложными, чем организованные преимущественно на принципе гомоархии, потому что при не меньшей устойчивости они демонстрируют более высокую степень неравновесности. Однако в рамках антропологии, в которой утвердилось понимание сложности как свойства организации структуры общества или культуры, определенные формы гетерархических и гомоархических социумов вполне могут считаться представляющими один и тот же уровень общекультурной сложности (Бондаренко 2007).

Заключение

Дихотомия гетерархии и гомоархии в значительной степени обусловила неоднолинейную и альтернативную сущность глобального социокультурного процесса.

Гетерархический принцип общественной организации не стал малозначимым с исторической и антропологической точек зрения с течением времени – с подъемом социокультурной и политической сложности. На уровнях сложности выше племенного очень важные примеры добровольного объединения компонентов сложного общества как (более или менее) равноправных дают, в числе прочих, социально-политическая история греческих полисов в древности, Швейцарской Конфедерации в Средние века, Соединенных Штатов Америки в Новое время. Появление гомоархического раннего (архаического) государства и гомоархических же альтернатив ему в большинстве регионов мира сделало гомоархию более широко распространенным принципом общественной организации вплоть до зрелого Нового времени. Однако когда западные общества постепенно превратились во в целом гетерархические системы социальных, экономических, политических, культурных и прочих институтов, и впервые в истории одна цивилизация – Западная – начала доминиро-

вать во всем мире, гетерархия стала по меньшей мере столь же важна, сколь и гомоархия с точки зрения глобальной истории.

Этого не отменяет даже то обстоятельство, что со времени, как Запад установил свое господство, глобальный современный мир в целом является гомоархическим. Гомоархичность глобального мира была совершенно очевидна в эпоху колониализма. Ситуация остается, по сути, той же самой и ныне, т.к. в мире сохраняется резкое глобальное неравенство. В глобальном мировом порядке гомоархия основывается на доминировании западных стран, которые сами – для своих граждан – социокультурно в целом гетерархические и политически демократические. В то же время экономический и политический подъем в последние десятилетия нескольких отчетливо гомоархических государств (прежде всего Китая, но также Ирана и ряда других) в сочетании с разнообразными тяжелыми проблемами, с которыми ныне сталкивается Запад, может заставить предположить, что завершение Нового времени окажется связанным с возвращением гомоархического принципа общественной организации как типичного для политически наиболее могущественных держав, которые попытаются распространить этот принцип на весь мир, в котором они будут доминировать, и сделают его еще более гомоархическим, чем он есть сейчас. Казалось бы парадоксальным образом, но на реализацию такого сценария объективно работают и усилия тех акторов (негосударственных и государственных), которые стремятся установить тотальное равенство (всех во всем и всегда) путем уничтожения социальных иерархий, поскольку активно проявлять себя они могут прежде всего в более гетерархически организованных обществах, на самом деле своей деятельностью способствуя их гомоархизации как альтернативе разрушению. Апологеты же гомоархии стремятся не к уничтожению иерархий общественных институтов, на которых держатся социумы, а к утверждению единой иерархии иерархий как антитезы гетерархической множественности способов их ранжирования.

Однако гомоархическая тенденция может оказаться уравновешенной другой – гетерархической. Рассматривать общества и государства нашего времени как изолированные, самодостаточные системы еще более ошибочно, чем социумы какой-либо иной эпохи. Необходимость решения серьезных глобальных проблем требует нового уровня кооперации – они нерешаемы на национальном или международном уровне, на котором суверенные национальные государства

остаются главными единицами мировой политики. Глобальные проблемы могут быть решены только на транснациональном уровне, который требует появления глобальных политических институтов, чьи решения имели бы обязательную силу для отдельных государств и их объединений – международных организаций. Такое положение предполагает отсутствие одной или нескольких постоянно доминирующих держав, потому что в различных ситуациях ведущую роль будут играть разные государства, международные организации и т.д., поддерживая баланс интересов всех вовлеченных сторон – глобального сообщества. Иными словами, это будет выражение принципа гетерархии на глобальном уровне.

Не может исчезнуть или даже утратить свое фундаментальное значение не только политическое, но и культурное многообразие обществ. В частности, «модерн и вестернизация не идентичны друг другу» (Eisenstadt 2000: 2; см. также: Schuerkens 2003). Суть модерна как глобального явления состоит в том, что, охватив весь мир, он породил множество социокультурно и исторически детерминированных вариантов самого себя, – можно сказать, не просто объединил цивилизации в «федерацию», а создал «федерацию локальных цивилизаций модерна». В ней в дальнейшем обретенные глобальные – тоже изначально локальные, т.е. порожденные какой-то цивилизацией, но со временем ставшие общечеловеческими – культурные черты будут непротиворечиво и не жестко иерархически, а контекстуально сочетаться с региональными – цивилизационными, в свою очередь, представляющими единство в многообразии культурных черт обществ каждой цивилизации (см.: Бондаренко 2022: 40-42).

При этом на более низких уровнях, особенно на уровне национальном, взаимодействие и «соствязание» гетерархического и гомоархического принципов будет продолжаться, даже если реализуется гомоархический глобальный сценарий: в разных обществах и регионах соотношение гетерархических и гомоархических черт будет по-прежнему различным. Более того, и на глобальном уровне всегда будут присутствовать элементы гетерархии даже при «вселенской гомоархии», потому что вряд ли какая-либо держава сможет доминировать абсолютно. В случае же установления «вселенской гетерархии», на глобальном уровне будут наличествовать элементы гомоархии, т.к. полное равенство всех мировых игроков останется недостижимым идеалом точно так же, как для индивидов в локальной группе охотников и собирателей.

В любом случае, адекватное понимание прошлого, сегодняшнего дня и будущего человечества не видится возможным без учета альтернативности базовых принципов организации обществ, их взаимодополняющего и конкурентного сосуществования и их взаимной динамики на всем протяжении истории человечества.

Список литературы

- Артёмова О.Ю.* Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы: (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009.
- Березкин Ю.Е.* Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лыньша. М.: Логос, 2000. С. 259-264.
- Бондаренко Д.М.* Социально-политическая эволюция: от равноположенности типов общины к альтернативности форм надобщинной организации // *Alaica*. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к семидесятилетнему юбилею профессора, доктора исторических наук Л.Б. Алаева / Отв. ред. О.Е. Непомнин. М.: Восточная литература, 2004. С. 32-53.
- Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия) // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Отв. ред. Л.Е. Гринин, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. С. 164-183.
- Бондаренко Д.М.* Сложности со «сложностью»: гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 141-149.
- Бондаренко Д.М.* Общинность: первооснова историко-культурной и социально-политической традиции субсахарской Африки // *Восток*. 2014. № 2. С. 10-22.
- Бондаренко Д.М.* Оттенки черного: культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2016.
- Бондаренко Д.М.* Социальные институты и базовые принципы организации обществ // *Сибирские исторические исследования*. 2021. № 1. С. 138-164.
- Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2022.
- Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы) // *Эволюция: проблемы и дискуссии* / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Марков, А.В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2010. С. 120-159.
- Бутовская М.Л., Ростовцева В.В.* Эволюция альтруизма и кооперации человека: биосоциальная перспектива. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Гринин Л.Е., Бондаренко Д.М., Крадин Н.Н., Коротаев А.В.* (ред.). Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006.

- Гуревич А.Я.* Древние германцы // А.Я. Гуревич. Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 23-78.
- Дождев Д.В.* Рим (VIII–II вв. до н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 249-279.
- Дюмон Л.* Эссе об индивидуализме. Дубна: ИЦ «Феникс»+, 1997.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Коротаев А.В.* «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена) // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 68-86.
- Коротаев А.В., Бондаренко Д.М.* Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. 2001. Вып. 7. С. 173-186.
- Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лыниша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лыниша. М.: Логос, 2000. С. 24-83.
- Крадин Н.Н.* Понятие «племя» в современной антропологии // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 4-12.
- Санников С.В.* Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: особенности политогенеза // История и социология государства / Отв. ред. Г.А. Пиков. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. С. 36-54.
- Шкунаев С.В.* Кельты в Западной Европе в V–I вв. // История Европы. Т. 1. Древняя Европа / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1988. С. 492-503.
- Arnason J.P., Raaflaub K.A., Wagner P.* (eds.). The Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
- Artemova O.Yu.* Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37. № 1. P. 62-80.
- Artemova O.Yu.* Equality as a Human Categorical Imperative // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 64-91.
- Austin J.L.* How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Barnard A.* Afterword // Human Origins: Contributions from Social Anthropology / Ed. by C. Power, M. Finnegan, H. Callan. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2017. P. 319-335.
- Barry III H.* Community Customs Associated with Political Subordination // Social Evolution and History. 2003. Vol.2. № 1. P. 116-130.
- Barth F.* Political Leadership among Swat Pathans. London: Athlone Press, 1959.
- Baskin K., Bondarenko D.M.* The Axial Ages of World History: Lessons for the 21st Century. Litchfield Park: Emergent Publications, 2014.
- Bern J.* Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation // Oceania. 1979. Vol. 50. № 2. P. 118-132.
- Berremán G.D.* Social Inequality: A Cross-Cultural Analysis // Social Inequality: Comparative and Developmental Approaches / Ed. by G.D. Berremán. New York: Academic Press, 1981. P. 3-40.

- Blanton R.E.* Beyond Centralization: Steps Toward a Theory of Egalitarian Behavior in Archaic States // *Archaic States* / Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research Press, 1998. P. 135-172.
- Blanton R.E., Fargher L.F.* Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. New York: Springer, 2008.
- Blanton R.E., Fargher L.F.* Collective Action in the Evolution of Pre-Modern States // *Social Evolution and History*. 2009. Vol. 8. № 2. P. 133-166.
- Blanton R.E., Fargher L.F.* How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action. Boulder: University Press of Colorado, 2016.
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N.* A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. № 1. P. 1-14.
- Bondarenko D.M.* Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th – 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow: KomKniga, 2006.
- Bondarenko D.M.* Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization: An Introduction // *Anthropos*. 2007. Vol. 102. № 1. P. 187-199.
- Bondarenko D.M.* On the Nature and Features of the (Early) State: An Anthropological Reanalysis // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2014. Vol. 139. № 2. P. 215-232.
- Bondarenko D.M.* Introduction // *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020a. P. 1-25.
- Bondarenko D.M.* Social Institutions and Basic Principles of Societal Organization // *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020b. P. 51-78.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison // *Cross-Cultural Research*. 2000. Vol. 34. № 2. P. 152-189.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* A Historical-anthropological Look at Some Sociopolitical Problems of Second and Third World Countries // *Community, Identity and the State. Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East* / Ed. by M. Gammer. London; New York: Routledge, 2004. P. 14-41.
- Bondarenko D.M., Kowalewski S.A., Small D.B.* (eds.). *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Cham: Springer International Publishing, 2020.
- Boyd R., Richerson P.J.* Culture and the Evolution of Human Social Instincts // *Roots of Human Sociality: Culture, Cognition, and Interaction* / Ed. by N.J. Enfield, S. Levinson. Oxford: Berg, 2006. P. 453-477.
- Bryceson D.F.* Deagrarianization and Depeasantization in Africa: Tracing Sectoral Transformation and Rural Income Diversification // *Routledge Handbook of African Development* / Ed. by T. Binns, K. Lynch, E. Nel. Abingdon; New York: Routledge, 2018. P. 368-377.
- Butovskaya M.L.* Transformation of Traditional Rural Communities in East Africa // *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* /

- Ed. by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 85-114.
- Butovskaya M.L.* Primates as Living Links to Our Past: Variations in Hierarchy Steepness but Not Real Egalitarianism // *Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований*. 2020. № 1. P. 13-26.
- Buttigieg J.A.* Dizionario gramsciano / Gramsci Dictionary: Subaltern / Subalterns // *International Gramsci Journal*. 2018. Vol. 3. № 1. P. 8-17.
- Carballo M.* (ed.). *Cooperation and Collective Action: Archaeological Perspectives*. Boulder: University Press of Colorado, 2013.
- Carballo M., Feinman G.M.* Cooperation, Collective Action, and the Archeology of Large-Scale Societies // *Evolutionary Anthropology*. 2016. Vol 25. № 6. P. 288-296.
- Carballo M., Feinman G.M.* *Collective Action and the Reframing of Early Mesoamerica*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
- Carballo M., Roscoe P., Feinman G.M.* Cooperation and Collective Action in the Cultural Evolution of Complex Societies // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2014. Vol. 21. № 1. P. 98-133.
- Carneiro R.L.* Structure, Function, and Equilibrium in the Evolutionism of Herbert Spencer // *Journal of Anthropological Research*. 1973. Vol. 29. № 2. P. 77-95.
- Carneiro R.L.* Cross-currents in the Theory of State Formation // *American Ethnologist*. 1987. Vol. 14. № 4. P. 756-770.
- Carneiro R.L.* Processes vs. Stages. A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 52-58.
- Chacon R.J., Mendoza R.G.* (eds.). *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. New York: Springer, 2017.
- Chase-Dunn C., Inoue H.* Power and Size: Urban and Polity Size Swings and Changes in the Distribution of Power among States in Interstate Systems since the Bronze Age // *Social Evolution and History*. 2017. Vol. 16. № 2. P. 52-75.
- Checker M., Fishman M.* (eds.). *Local Actions. Cultural Activism, Power and Public Life in America*. New York: Columbia University Press, 2004.
- Chu Y.W.* Postcolonial Discourse in the Age of Globalization // *Globalization: Critical Issues* / Ed. by A. Chun. New York; Oxford: Berghahn, 2004. P. 37-48.
- Claessen H.J.M.* *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Leiden University Press, 2000.
- Claessen H.J.M.* Aspects of Law and Order in Early State Societies // *The Law's Beginnings* / Ed. by F.J.M. Feldbrugge. Leiden: Brill / Nijhoff, 2003. P. 161-179.
- Claessen H.J.M.* Early State Intricacies // *Social Evolution and History*. 2005. Vol. 4. № 2. P. 151-158.
- Claessen H.J.M.* Developments in Evolutionism // *Social Evolution and History*. 2006. Vol. 5. № 1. P. 3-40.
- Claessen H.J.M.* Sacred Kingship: Cases from Polynesia // *Social Evolution and History*. 2018. Vol. 17. № 2. P. 3-26.
- Claessen H.J.M., Hagesteijn R.R., van de Velde P.* Early State Today // *Social Evolution and History*. 2008. Vol. 7. № 1. P. 245-265.

- Claude D.* Geschichte der Westgoten. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1970.
- Crumley C.L.* Three Locational Models: An Epistemological Assessment for Anthropology and Archaeology // *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 2 / Ed. by M.B. Schiffer. New York: Academic Press, 1979. P. 141-173.
- Crumley C.L.* A Dialectical Critique of Hierarchy // *Power Relations and State Formation* / Ed. by T.C. Patterson, C.W. Gailey. Washington: American Anthropological Association Press, 1987. P. 155-169.
- Crumley C.L.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington: American Anthropological Association, 1995. P. 1-5.
- Crumley C.L.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas. New York; Boston: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. P. 19-33.
- Crumley C.L.* Remember How to Organize: Heterarchy Across Disciplines // *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution* / Ed. by C.S. Beekman, W.W. Baden. Abingdon: Ashgate, 2005. P. 35-50.
- Das N.K.* Stateless Tribe, Segmentary Lineage and “Cognatic” Naga Kinship: Threatened Gender-Neutrality and Individual Manoeuvrability // *Cultivating Pathways of Creative Research: New Horizons of Transformative Practice and Collaborative Imagination* / Ed. by A.K. Giri. Delhi: Primus, 2017. P. 183-203.
- DeMarrais E., Earle T.* Collective Action Theory and the Dynamics of Complex Societies // *Annual Review of Anthropology*. 2017. Vol. 46. P. 183-201.
- Diesner H.-J.* Das Vandalenreich. Aufstieg und Untergang. Stuttgart etc.: Kohlhammer Verlag, 1966.
- Dumont L.* Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Earle T.K.* Political Domination and Social Evolution // *Companion Encyclopedia of Anthropology* / Ed. by T. Ingold. London: Routledge, 1994. P. 940-961.
- Earle T.K.* How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford University Press, 1997.
- Ehrenreich R.M., Crumley C.L., Levy J.E.* (eds.). *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington: American Anthropological Association Press, 1995.
- Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1-29.
- Ellen R., Fischer M.D.* On the Concept of Cultural Transmission // *Understanding Cultural Transmission in Anthropology. A Critical Synthesis* / Ed. By R. Ellen, S.J. Lycett, S.E. Johns. New York; Oxford: Berghahn, 2013. P. 1-54.
- Fairley N.J.* Ideology and State Formation: The Ekie of Southern Zaire // *The African Frontier: The Reproduction of Traditional African Societies* / Ed. by I. Kopytoff. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 89-100.
- Farelius B.* Origins of Kingship Traditions and Symbolism in the Great Lakes Region of Africa. Kampala: Fountain Publishers, 2012.
- Feinman G.M.* Chiefdoms and Nonindustrial States // *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. Vol. 1 / Ed. by D. Levinson, M. Ember. New York: Holt, 1996. P. 185-191.

- Feinman G.M., Neitzel J.E.* Deflating the Myth of Isolated Communities // *Science*. 2019. № 366 (6466). P. 682-683.
- Ferguson Y.H.* From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience // *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 169-192.
- Finlayson B.* Egalitarian Societies and the Earliest Neolithic of Southwest Asia // *Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований*. 2020. № 1. P. 27-43.
- Finlayson B., Artemova O.* The Invention of Equality: Guest Editors' Foreword // *Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований*. 2020. № 1. P. 7-12.
- Flannery K.* The Ground Plans of Archaic States // *Archaic States* / Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research Press, 1998. P. 15-57.
- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge; London: Harvard University Press, 2012.
- Francisco R.A.* Collective Action Theory and Empirical Evidence. New York: Springer, 2010.
- Fried M.H.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. New York: Random House, 1967.
- Fried M.H.* The Notion of Tribe. Menlo Park: Cummings, 1975.
- Fuglestad F.* Slave Traders by Invitation. West Africa's Slave Coast in the Pre-colonial Era. London: Hurst and Co, 2018.
- Fürer-Haimendorf C. von.* The Apa Tanis and Their Neighbours. A Primitive Civilization of the Eastern Himalayas. London; New York: Routledge, 2004.
- Futuyma D.J.* Evolutionary Biology. Sunderland: Sinauer Associates, 1997.
- Godelier M., Strathern M.* (eds.). Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991.
- Goldman I.* Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Griffin J.B.* The Midlands // *Ancient North Americans* / Ed. by J.D. Jennings. San Francisco: Freeman, 1983. P. 243-301.
- Grinin L.E., Carneiro R.L., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotayev A.V.* (eds.). The Early State, Its Alternatives and Analogues. Volgograd: Uchitel, 2004.
- Guha S.* Beyond Caste: Identity and Power in South Asia, Past and Present. Leiden: Brill, 2013.
- Hart K.* Jack Goody's Vision of World History and African Development Today. Goody Lecture 2011. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2011.
- Helm P.* Manifest and Latent Functions // *The Philosophical Quarterly*. 1971. Vol. 21. № 82. P. 51-60.
- Hickel J., Haynes N.* (eds.). Hierarchy and Value. Comparative Perspectives on Moral Order. New York; Oxford: Berghahn, 2018.
- Johnson A.W., Earle T.K.* The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford: Stanford University Press, 2000.

- Johnson G.A.* Organizational Structure and Scalar Stress // Theory and Explanation in Archaeology / Ed. by C. Renfrew, M.J. Rowlands, B.A. Segraves. New York: Academic Press, 1982. P. 389-421.
- Joyce A.A., Barber S.B.* Alternative Pathways to Power in Formative Oaxaca // Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis / Ed. L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder: University Press of Colorado, 2016. P. 41-58.
- Kapferer B.* Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia. Washington; London: Smithsonian Institution Press, 2012.
- Kapferer B.* (ed.). State, Resistance, Transformation: Anthropological Perspectives on the Dynamics of Power in Contemporary Global Realities. Canon Pyon: Sean Kingston Publishing, 2018.
- Kirch P.V., Green R.C.* Hawaiki, Ancestral Polynesia. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Knappett C.* Globalization, Connectivities and Networks: An Archaeological Perspective // The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization / Ed. by T. Hodos. London; New York: Routledge, 2017. P. 29-41.
- Kodesh N.* Beyond the Royal Gaze: Clanship and Public Healing in Buganda. Charlottesville: University of Virginia Press, 2010.
- Korotayev A.V.* Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaeen Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries AD. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996.
- Kowalewski S.A.* Cyclical Transformations in North American Prehistory // Alternatives of Social Evolution / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 177-187.
- Kowalewski S.A.* What is the Community? The Long View from Oaxaca, Mexico // Social Evolution and History. 2003. Vol. 2. № 1. P. 4-24.
- Kradin N.N.* Heterarchy and Hierarchy among the Ancient Mongolian Nomads // Social Evolution and History. 2011. Vol. 10. № 1. P. 187-214.
- Kristiansen K.* Europe before History. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Kusimba C.M., Kim N.C., Kusimba S.B.* Trade and State Formation in Ancient East African Coast and Southern Zambezia // Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity / Ed. by R.J. Chacon, R.G. Mendoza. New York: Springer, 2017. P. 61-89.
- Laumann E.O., Siegel P.M., Hodge R.W.* The Consequences of Stratification // The Logic of Social Hierarchies / Ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago: Markham, 1970. P. 589-593.
- Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. Boston: Beacon Press, 1954.
- Levy J.E.* Heterarchy in Bronze Age Denmark: Settlement Pattern, Gender, and Ritual // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington: American Anthropological Association, 1995. P.41-53.

- Lewis J.* Forest Hunter-Gatherers and Their World. Ph.D. Dissertation. London: University of London, 2002.
- Lynsha V.A.* From Chieftdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100 // Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach / Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev, and O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 1998. P. 99-100.
- Malinowski B.* A Scientific Theory of Culture and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1960.
- Mamdani M.* Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018.
- Marcus J., Feinman G.M.* Introduction // Archaic States / Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research Press, 1998. P. 3-13.
- Matsumura S.* The Evolution of “Egalitarian” and “Despotic” Social Systems among Macaques // Primates. 1999. Vol. 40. № 1. P. 23-31.
- McIntosh S.K.* (ed.). Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Medina L.F.* A Unified Theory of Collective Action and Social Change. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007.
- Melucci A.* Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968.
- Mosko M.S.* Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy // History and Anthropology. 1994. Vol. 7. № 1–4. P. 195-222.
- Muller J.* Mississippian Political Economy. New York; London: Plenum Press, 1997.
- Niang A.* The Postcolonial African State in Transition: Stateness and Modes of Sovereignty. New York; London: Rowman & Littlefield, 2018.
- North D.C.* Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance. San Francisco: ICS Press, 1992.
- Nowak M.A., Highfield R.* Supercooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed. New York: Free Press, 2011.
- Osterhammel J.* Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton: Markus Wiener Publishers, 2010.
- Pasternak B.* Kinship and Community in Two Chinese Villages. Stanford: Stanford University Press, 1972.
- Peterson N.* Pre-colonial Inequality in Aboriginal Australia // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 55-63.
- Raaflaub K.A.* (ed.). Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Malden: Blackwell, 2005.
- Ray B.C.* Myth, Ritual, and Kingship in Buganda. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Redmond E.M.* (ed.). Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas. Gainesville: University Press of Florida, 1998.

- Rio K.M., Smedal O.H.* Hierarchy and Its Alternatives: An Introduction to Movements of Totalization and Detotalization // Hierarchy: Persistence and Transformation in Social Formations / Ed. by K.M. Rio, O.H. Smedal. New York; Oxford: Berg-hahn, 2011. P. 1-63.
- Robertshaw P.* Fragile States in Sub-Saharan Africa // The Evolution of Fragility: Setting the Terms / Ed. by N. Yoffee. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, 2019. P. 135-159.
- Sahlins M.D.* Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Schotter A.* The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schuerkens U.* The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // Current Sociology. 2003. Vol. 51. № 3-4. P. 209-222.
- Schweitzer P.P.* Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization // Alternatives of Social Evolution / Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 123-131.
- Scott R.* Institutions and Organisations. London: Sage, 2001.
- Searle J.* The Construction of Social Reality. London: Penguin, 1995.
- Searle J.* Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Service E.R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1962; 2nd ed. – 1971.
- Service E.R.* Profiles in Ethnology. New York: Harper & Row, 1978.
- Sintonen M., Ylikoski P., Miller K.* (eds). Realism in Action: Essays in the Philosophy of the Social Sciences. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Smith M.E.* An Aspectual Analysis of Polity Formations // Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization / Ed. by H.J.M. Claessen, P. van de Velde, M.E. Smith. South Hadley: Bergin and Garvey, 1985. P. 97-125.
- Spencer C.S., Redmond E.M.* Primary State Formation in Mesoamerica // Annual Review of Anthropology. 2004. Vol. 33. P. 173-199.
- Subedi M.* Some Theoretical Considerations on Caste // Dhaulagiri Journal of Sociology and Anthropology. 2013. Vol. 7. № 1. P. 51-86.
- Taylor C.* Institutions in National Life // C. Taylor. Reconciling the Solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism / Ed. by G. Laforest. Montreal; Kingston: McGill-Queens University Press, 1993. P. 120-134.
- Testart A.* Comment on R.L. Carneiro's Article on the Origin of the State: "The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation" // Social Evolution and History. 2012. Vol. 11. № 2. P. 105-109.
- Townsend J.B.* The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms // Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization / Ed. by H.J.M. Claessen, P. van de Velde, M.E. Smith. South Hadley: Bergin & Garvey. 1985. P. 141-155.

- Trigger B.G.* Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Tuomela R.* The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Tuomela R.* The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Tuomela R.* Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents. New York: Oxford University Press, 2013.
- Turner J.H.* The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolutionary and Comparative Perspective. New York: Longman, 1997.
- Vansina J.* Kings in Tropical Africa // Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa / Ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss. Maastricht: Foundation Kings of Africa, 1992. P. 19-26.
- Vansina J.* Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-Evolutionary Theory // Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa / Ed. by S.K. McIntosh. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 166-172.
- Veer P. van der, Wu D.* Dumont's Hierarchy among the Nuosu of China. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2017.
- Vehrencamp S.L.* A Model for the Evolution of Despotic versus Egalitarian Societies // Animal Behavior. 1983. Vol. 31. № 3. P. 667-682.
- Vliet E.C.L. van der.* Polis. The Problem of Statehood // Social Evolution & History. 2005. Vol. 4. № 2. P. 120-150.
- Vliet E.C.L. van der.* Polis. The Early State, the Polis and State Formation in Early Greece // Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. № 1. P. 197-221.
- Wenke R.J.* Patterns in Prehistory: Humankind's First Three Million Years. New York: Oxford University Press, 1999.
- White J.C.* Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington: American Anthropological Association, 1995. P. 101-123.
- Woodburn J.C.* Egalitarian Societies // Man (N.S.). 1982. Vol. 17. № 3. P. 431-451.
- Wright R.* Cognitive Codes and Collective Action at Mari and the Indus // Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis / Ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder: University Press of Colorado, 2016. P. 225-238.
- Young C.* The Post-colonial State in Africa. Fifty Years of Independence, 1960–2010. Madison: University of Wisconsin Press, 2012.
- Ziv A.K., Schmid H.B.* (eds.). Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology. Dordrecht: Springer, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Глеб Владимирович – кандидат исторических наук; заместитель директора, старший научный сотрудник Международного центра антропологии Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Александрова Анна Константиновна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения Российской академии наук.

Бовыкин Дмитрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Бондаренко Дмитрий Михайлович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор; заместитель директора, главный научный сотрудник Института Африки Российской академии наук; директор Международного центра антропологии Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

Буркова Валентина Николаевна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии Российской академии наук; главный научный сотрудник Международного центра антропологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

Вдовченков Евгений Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Научное издание

**ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Оригинал-макет подготовлен

Г.М. Абишевой

Подписано в печать 15.04.2024. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 23. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Тел.: +7 495-624-35-92
E-mail: lrc.phouse@gmail.com, сайт: <http://www.lrc-press.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2.
Тел.: +7 499-255-77-57, itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499-793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks